

Вера

1

Вера исчезла неожиданно, без объяснений. Уехала на каникулы к родителям полтора месяца назад и к началу занятий не вернулась. И не позвонила. Ни разу за лето.

Денис был уверен, что у них всё ладно. Он почти всегда наверняка знал, как подружиться с девушкой, чтобы обоим нравилось и не больно было потом расставаться...

Они познакомились в общежитии медицинского училища. Вера повелась несложно, так что Денис сразу придумал, как у них всё сложится. Он был даже слегка разочарован началом их романа. Для него очередного, а для неё, похоже, первого, если не считать какой-нибудь школьной влюблённости...

Чуть больше месяца назад он отнёс ей сумку на вокзал. Они поцеловались, заглянули друг другу в глаза. Лицо подруги оставалось безмятежно и в тени предстоящей разлуки: без тайной мысли, смятения или тревоги, - тут Денис не мог ошибиться.

Автобус, сыто покачиваясь, тяжело двинулся от платформы. Юноша прошёлся рядом, махнул рукой на добрый путь...

Он ждал возвращения Веры, надеялся: она появится и объяснит своё долгое молчание.

Сначала Денис уговаривал себя не тревожиться (ничего, объявится), но любой сигнал принимал за её и не скрывал разочарования, когда выяснялось, что это другие. В конце концов, звонил сам. Ответа не было.

Можно бы поехать в её село, и она, конечно, отыщется там, но Денису не хотелось показывать излишнюю привязанность.

Чего доброго, придётся разыгрывать тоску - надо же будет объяснять ей свой вояж. И совсем уж глупо будет он выглядеть, если подруга нашла нового ухажёра. Кто их знает, этих деревенских парней, может, драться придётся. Денис поморщился, потому что ничего всерьёз об отношениях с Верой не думал...

Сегодня её соседки по комнате ответили, что она не вернулась.

Так что лучше выбросить этот полудетский роман из головы, решил он и в тот же вечер потащился с друзьями на ночную дискотеку...

Ударники лихо лупили по ушам бестолковой, но ритмичной музыкой. В пульсирующем свете быстрые движения танцующих походили на механические судороги неисправных роботов.

Дениса удивляло, что его приятели знакомились с девушками в этом «нереале». Как в ряби музыки, света и движений можно разглядеть лица, тем более выбрать единственное? Пусть не навечно, но ему казалось, что даже для короткой совместности должно понравиться хотя бы лицо.

Нельзя же облапать в танце первое попавшееся женское естество и быть уверенным, что оно и нужно.

Денис был против таких знакомств и называл их про себя «раздачей». Немодное, злое словечко. Кажется, он слышал его от отца. Но то, что затевали здесь парни и девчонки, иначе назвать не мог...

Он уже час сидел у барной стойки, озирая стремительные конвульсии парней и девчонок, и развлекал себя воспоминаниями.

С Верой он познакомился на праздничном вечере. Однажды его с приятелями занесло в общежитие медиков. В фойе, наскоро обустроенном для забавных конкурсов и танцев, толпились студентки, томящиеся невозможностью выбора. Ребят насобиралось совсем мало.

Жахнула музыка, и к Денису начали подтанцовывать разные симпатяшки, образуя кольцо. Девушки вызывали юношу в круг, и он их не разочаровывал: извивался до победы. И как-то в коротких промежутках отдыха высмотрел её...

Чем она привлекла? За что «зацепился»?

Худышка с прямыми русыми волосами, не знавшими краски...

До Веры, русые девчонки казались ему неинтересными; уж больно цвет волос скучный. Но, по совести говоря, блондинок он не любил вовсе. Волшебное-жемчужное сияние волос в ночном свете наутро смотрелось спутанной синтетикой и после душа безжизненно топорщилось, как кудри дешёвой куклехи китайского производства.

Чудилось, белые кудели едко пахнут нашатырём. Шампунь и туалетная вода не способны перебить этот медицинский дух. Портить волосы ради внимания парней он считал мазохизмом.

Брюнетки, рыжие, многоцветные развлекали Дениса неизвестностью, словно новое лакомство: угадай, полюбится или приестся. А русые не задерживали внимания, казались пресными, точно диетический завтрак.

И вот Вера...

Денис принялся разбирать черты подруги и вдруг остро пожалел, что её нет в этом клубе.

Хотя, почему нет? Юноша стал приглядываться к танцующим. Обошёл группки и пары, но несколько раз обманулся, соскучился и вызвал такси...

Мама с отцом переглянулись, когда он вернулся домой в начале второго и сразу брякнулся на тахту...

Проучившись с год строительному делу в политехническом институте, Денис сообразил, что на густую событийную жизнь нужны деньги. Родительские сберегушки не годились. Довольно того, что они отвратили армию.

Через знакомых юноша узнал о наборе официантов в кафе-ночном клубе «Бригантина». Прошёл собеседование, а через пару недель его выучили на бармена. Платили прилично.

На лекции в институт он приноровился ходить в дни, когда в «Бригантине» выпадали ночные смены, практику на стройке покупал у прораба за икру, салями и водку, на сессию клубное начальство отпускало.

Денис радовался возможностям, которые мог теперь оплачивать, но работы в кафе не любил и усмехнулся бы, если бы кто-то признался ему в таком. Любить, думал юноша, стоит женщину, родных, а смешиванием напитков нужно зарабатывать. После института он надеялся всё же обосноваться в строительстве...

Едва проснувшись, Денис почувствовал, что на душе скверно, и потому на занятия он сегодня не пойдёт, а послоняется, например, по набережной.

Холода в сентябре налетели так стремительно, что люди не верили и всё ещё легко одевались. Ходили по улицам, скукожившись и зачем-то поднимая воротники зябких плащиков. Но Дениса такая погода сегодня вполне устраивала; он хотел, чтобы из него выдуло и выхолодило ночную дискотеку, а ещё лучше – всё недавнее прошлое...

На пляжной скамейке торопливо докуривали две медички с Вериного курса.

- Здорово, девчонки, - первым завёл он разговор.

- Привет. Вышел воздушком подышать? А мы педиатрию прогуливаем. Покури с нами, - гостеприимно пригласили они и подвинулись.

Денис достал пачку.

- Вы что, с Веркой разбежались? - поинтересовались девушки.

Он внутренне дрогнул, но ответить постарался небрежно:

- Похоже. Это она вам сказала?

- Не-а. Она до сих пор не приехала. Мы думали, что замуж вышла. Может даже за тебя. Но видим, что нет.

-А кроме замужества версии есть?

- В монастырь или за границу на заработки, - хохотнули подружки. – Ну пока, мы потопали. Будь здоров, не кашляй.

Денис щёлкнул пальцами окурочек в урну и попрощался. И девушки заспешили обратно в тёплые недра училища...

Что он помнил о ней, кроме гладких русых волос?

Вера была широкоплечей, но вся какая-то узкая, гибкая, точно ивовая плеть.

Ах, да! Ещё удивительные молочно-голубые глаза, словно колокольцевую синеву разбелили сливками! Она подводила их тонким чёрным карандашом, удачно оттеняющим необычный цвет, так и лившийся наружу, хоть кружку подставляй.

На маленьком носу стыдливо бледнели несколько конопушек. Из-за них в яркий день она выглядела совсем ребёнком. Да им, в сущности, и была.

Он понял это, когда обнял её у себя на тахте. Она прижалась послушно, смело, как малыш, не ожидающий боли и предательства.

И невозможно было обмануть её. Совестно...

Вера поднялась и принялась охорашиваться, а он боялся на неё взглянуть. Она присела на край, взяла ладонями его лицо, повернула и заставила поглядеть в своё голубое молоко. И Денис понял: ничего не изменилось. Верина ребячья чистота осталась незатенённой. К ней вообще не приставала грязь. Как к солнцу.

И это он понял сейчас, когда её не стало рядом...

«Забудется, - мысленно отмахнулся он от воспоминаний.- Не первая, не последняя». Расставания с девушками Денис глубоко в сердце никогда не брал. Он знал себе цену и девчонок выбирал таких же. Обходилось без тягостных разбирательств. И тут обойдётся...

С трёх часов дня он маялся бездельем...

Посетители обычно собирались ближе к десяти, а в восемь в баре сидела всего одна парочка. Высокий мордатый шкафина (культурист, что ли) с тоненькой девой. До Дениса долетал их неотчётливый оживлённый гомон: ругались. Существа спора нельзя было разобрать, но ссорились, видимо, всерьёз.

Вскоре гигант с грохотом отодвинул стул и, резко взмахнув руками, в сердцах шумнул:

- Да иди ты...

И неожиданно легко для громоздкого телосложения выскочил из бара.

Девушка вскинулась было следом, но тут же села и уронила голову на руки. На несколько секунд она вдруг превратилась в Веру, так что Денис оторопел.

Бармену полагается не только наливать, но и быть душеотводом, чтобы клиент пил и приходил ещё. Потому то, что Денис подошёл к её столику, служебным нарушением не считалось.

- Не переживай, вернётся.

Она подняла лицо, вовсе не заплаканное.

- Знаю, что вернётся. Только не сегодня. Принеси мне чего-нибудь не очень крепкого.

Денис принёс. Глотая, девушка придержала его за рукав.

- Меня Мариной зовут, а тебя я знаю. Денис, так?

- Угу.

- Ты когда сменяешься? Хочешь, я подожду?

Минут за десять до трёх девушка вызвала такси...

Они сидели в комнате, не зажигая света.

Большое гулкое пространство заполнилось ночной теменью, и только под окном лежал светлый прямоугольник.

Марина устроилась на широком подоконнике, присогнув ноги в коленях и глядела куда-то мимо оконного проёма, а с той стороны на неё смотрела луна.

Денис вытянулся не то вдоль, не то поперёк на огромной кровати, одинаково грандиозной во всех измерениях.

У стены стоял платяной шкаф, тоже обширный, как ворота в иные миры. Был ещё стул, обычный, офисный.

Ни ковриков на паркете и стенах, ни штор на окнах, словно Марининому культуристу катастрофически не хватало воздуха и свободы. Наверное, по неповоротливости натуры, он переколотил и переломал все вещи в квартире. Вот только стул почему-то ещё цел. На нём сейчас стоял поднос с сыром, виноградом и бокалами.

Денис любовался скупой оконной композицией: силуэт девушки и копейка луны. Ему нравилась эта картина, и он жалел, что не может её сохранить нигде, кроме памяти. Город не виден, не слышен шум ночной жизни, будто коробок квартиры висел в космическом пространстве. Гулко взмывали и затихали под потолком Маринины слова.

- Он купил меня в притоне у «мамы» Стелы на полгода. Денег отсыпал немерено. Потом, говорит, если понравиться, совсем возьму. Я не надеялась на любовь, но поняла, что так тоже бывает. Вот, поселил здесь... А сегодня мы поссорились.

- Что он теперь сделает? Выгонит? – вяло поинтересовался Денис.

- В притон отвезёт.. Денег обратно не потребует, так что Стелла останется довольна.

- И нравится тебе такая жизнь?

- Бывает хуже, - неопределённо ответила Марина. – Давай, ты больше не будешь меня допрашивать. Может, я сама хочу от него уйти.

- Надоел?

- Нет. Боюсь, начинаю привыкать... Всё, хватит вопросов. Наливай.

Денис разлили вино по бокалам, оторвал виноградину и пошёл к окну. Они молча чокнулись и выпили.

- Опустел оконный взгляд... Не люблю голых окон, - почему-то сказала Марина. – Бедняги, они устали смотреть наружу и внутрь одновременно. Им бы сейчас исчезнуть... Наверное, ждут-недождутся, когда их двойную наготу прикроют шторой, дадут отдохнуть хотя бы изнутри...

Она положила голову на колени и опять стала до кома в горле знакомой. Денис бережно снял её с окна и отнёс в постель...

Он проснулся рано утром от непривычной головной боли. Вино, да и всё алкогольное не признавал. Самым крепким для него был кофе... Денис не говорил приятелям, что никогда не пробовал тех смесей-коктейлей, которые готовил на работе...

Тихо, чтобы не разбудить Марину, поднялся. Откинул ей волосы с лица: красивая девушка. Всего в ней много: смелости (или отчаяния), порочного и

заповедного, неясного, но Веры - нет. Странно, что вчера ночью она ему напомнила пропавшую подругу.

Юноша огляделся. Какая опасная пустота: просачивается в душу, цепенит, обезволивает... Может, Марина отравлена ею?

Денис почувствовал тошноту и поспешил к окну срочно увидеть уличную тесноту, утреннее копошение, всё равно как налить воды в опустелое своё утро. Он открыл форточку: пусть шумная прохлада заполнит комнату.

Воздушная струя шевельнула листы журналов, сваленных в углу. Это были глянцы с самым непритязательным бабьим содержанием. Юноша переложил несколько из кучи и наткнулся на томик стихов Лорки. Вот это да! Интересно, чей? Вряд ли Маринино парняги...

Усмехнувшись, Денис пошёл в кухню варить кофе. Там, у плиты его обняла подкрававшаяся Марина в мужской рубашке, годившейся ей халатом.

Она прижалась к Денисовой спине, подула в затылок.

- Ты сейчас совсем уйдёшь?

- Мне на работу к десяти, - соврал он...

В кафе она больше не пришла ни с другом, ни без него...

4

Денис уже заходил в подъезд, когда его окликнули из вороного внедорожника. Крепенькие мужички упругим десантом, словно мячики, высыпали из дверец.

Без лишних объяснений один из них, похоже, Маринкин, поздоровался и смаху врезал юноше кулаком под дых. Было так больно, что ни дышать, ни стонать не получалось. Удары понеслись со всех сторон. Одни сильнее, другие слабее. Через минуту они слились в одну общую боль, а потом пропали...

Боль вернулась вместе с сознанием. В палате. Денис прислушивался к себе, чувствуя, что не может шевельнуться и потрогать себя. Врач сказал, что угрозы жизни никакой. Процедуры назначили немного. Мама с отцом приходили часто, но всё равно у Дениса оставался вагон свободного времени.

Главным его развлечением были мысли о подруге...

Оказывается, он до мелочей помнил день прошлогоднего октября. Они с Верой на набережной хрустели стружками жареной картошки и запивали газировкой. Девушка не пила пива, считая его напитком идиотов. Даже водка не столь вульгарна, говорила она презрительно.

Вера брала из пакета пучок картошечных ломтиков четырьмя пальцами! Уму непостижимо! Ела аккуратно и много, иногда поводя головой, чтобы убрать волосы, мнимо налетевшие на лицо. Он с удовольствием наблюдал за подругой. В ней не было обычного девичьего жеманства, которое Денис охотно простил бы, скидывая на возраст.

Она не носила чёлки, разных боковых нарезков-«перьев»: причёска не скрывала лба, не затеняла глаз, оттого Верино лицо напоминало лица с Палехских миниатюр.

Но на тех глаза омутно-глубокие, страдальческие. У Веры же – задорно-лукавые, будто два глазурированных кулончика с секретом: тайные замочки – щёлк! – раскроются, а под створками – сапфиры...

Ещё он помнил, как они стояли, обнявшись, и злой октябрьский ветер бил тугой струёй в Верин затылок. По щекам и глазам Дениса хлестали её волосы, и мир казался зачирканным девичьими прядями, словно неудавшийся рисунок простым карандашом...

Через три недели его отпустили из больницы...

5

По случаю выписки друзья с девчонками устроили Денису вечеринку. Виновник веселья поначалу выглядел нахохлившимся, растерянным. Радость не проникала внутрь. Ребята налили ему какой-то мерзятины, и он залпом вогнал её в себя. Вот теперь другое дело! И музыка пошла в толк, и девушки показались занятнее.

Одна роскошно танцевала, встряхивала головой, от чего по длинным её волосам пробегала блестящая волна. Её умело накрашенное лицо притягивало, и всё же что-то было не так, но что – Денис спьяну не разобрал. Алиса (так звали танцовщицу) словно пристягнула к нему поводок: сама колебалась в центре круга, а он двигался по орбите и уже знал – женщина не отпустит, да и не хотел отстёгиваться...

Ему снилась мучительная чертовщина с чудесами. Алиса превращалась в Марину, в уродливую старуху, потом снова в себя, потом ещё неизвестно в кого, и все тянули к нему руки и голодно улыбались. Он оттолкнул простёртые пальцы и открыл глаза: ещё ночь.

Он быстро сел и начал тревожно оглядывать стены, отыскивая что-нибудь, что убедило бы в окончании кошмара.

Рядом заворочалась Алиса.

- Что ты?- сонно спросила она.

Юноша включил ночник и стал жадно рассматривать её. Наконец понял: Алиса была чуть не в два раза старше него.

Она прикрылась локтём.

- Не смотри на меня так.

Денис выскочил из-под одеяла и поспешил одеться.

- Не уходи... У нас всё будет замечательно, - попросила Алиса.

- Обойдусь.

Он не мог отделаться от чувства, что его обманули.

- Так уж и обойдёшься? Всю ночь меня Верой звал... Видно здорово мучаешься из-за неё. Я такое уже видела. Сначала пить станешь, колёса глотать. До суицида дойдёт. Останешься со мной – ничего не случится.

- Может, я хочу, чтобы случилось.

- Никто такого не хочет...

- Ну, бывай, подруга! - попрощался он зло-радостно.

Алиса что-то жалобно бормотала вслед.

Денис быстро вышел на улицу и мгновенно озяб. В кармане нащупал две сигареты. Не найдя зажигалки, он окончательно разозлился.

«Идиотка Алиса... Чокнутая! – ругался он мысленно. - И я больной. Весь город больной... Вера-а! Почему ты исчезла?..»

Дрожащими пальцами юноша раскрошил в кармане две попытки на маломальское успокоение...

В первом же ларьке он купил пачку, зажигалку и судорожно защёлкал ею.

Денис глубоко затыкнулся, выдохнул и пошёл уже медленнее. Мысли перестали скакать в опор...

Дома он первым делом открыл холодильник, плеснул в стакан коньяка и махом выглотал.

Понюхав рукав пальто, юноша повернулся и чуть прынул назад: в дверях стояла мать. Она смотрела на него молча, а крик словно рвался наружу и, чтобы его не выпустить, она сжимала у горла воротник махрового халата.

Денис кивнул ей, обошёл боком, а в комнате упал, не раздеваясь, на постель и заснул...

Утром он отнял опухшее лицо от подушки с таким трудом, будто вся тяжесть тела перетекла в голову. Припомнив ночное, решил, что к Алисе больше не пойдёт.

Она позвонила сама.

- Да-х, - выдохнул Денис в трубку.

- Ты забыл у меня свои вещи... Зажигалку, кепку, шарф...

Алиса старалась говорить спокойно, но надежда всё равно пробивалась.

- И ты про них забудь. Выброси... Алиса, милая, я тебе не нужен, ты мне не нужна. Прости, я в тебе видел другую девушку, но ты – не она. Это как в трамвае обознаться...

- Да ясно мне всё. Пока, - тихо проговорила она.

Телефон загудел...

Дверь в комнату бесшумно отворилась. Вошёл отец, сел на край тахты и уставился на свои руки.

- Ты чего? – выдавил из себя Денис.

- С тобой что-то происходит, сын. Ты становишься другим... Стал другим. Где-то пропадаешь, коньяк глушишь, а месяц назад ничего кроме кофе не пил. Заметил, как потускнела мама? Притихла, ходит бесшумно, как тень... Вчера просыпаюсь, вижу: стоит на коленях, молится...

- Пап... - заговорил юноша, хоть толком не знал, что скажет в утешение.

- Не перебивай, слушай. Из нас троих прежним остался только я. Тяжело видеть, как меняются родные: страдают, отчуждаются, уходят в себя. И это всего за несколько недель.

- Я обещаю...

- Да не нужно обещаний...

Отец махнул рукой, тяжело поднялся и вышел.

Денис снова упал на подушку и закрыл глаза. Для него тоже прошло не меньше ста лет. Надо же, ещё месяц назад он знал, чего хочет, был силён и здоров, и жизнь золотой рыбкой трепыхалась в руках. А теперь он себе не принадлежит, словно растворился в кислоте ночной жизни, и не может частицы себя собрать в прежнего Дениса. Главное, не хочет...

Вялые мысли в усталой больной голове смешались, и перед ним луной выплыло лицо в редких конопушках ...

6

Они ездили в Изборск. Вера убежала по тропинке к родникам. Денис солидничал, шёл медленно, но едва выбрался к месту, его тут же ужалили брызги жгуче-холодной воды. Подруга рассмеялась, и её отрывистые трельки разлетелись солнечными зайчиками по известняковым слоям, деревьям, траве. А может, это были просто блики родниковых волн...

На обратном пути ребята зашли в Никольский храм.

Вера принялась молиться, и Денис поразился её быстрому и полному отрешению.

Она шевелила тонкими губами, глядела на иконы так, будто у неё с ними заключён тайный договор.

О чём молилась, в каких пространствах парила, забыв в гулком столетнем кубе церкви о друге, чувствовавшем себя чужаком, гостем из параллельного мира?

Ему стало одиноко, и он тихо тронул её за локоть.

- Пойдём.

Девушка вздрогнула, истово широко перекрестилась и отвесила поклон. Чудно! В институте перед экзаменами ребята тоже крестились, но лишь обмахивали знаменем лицо или ямку на горле, «плевали» через левое плечо и входили в аудиторию, помня свой страх, а не Бога.

Вера же крестилась, словно просила прощения за то, что возвращается в солнечную жизнь, где смеются, любят и страдают обычные люди, не умудрённые Богом...

Они вышли; редкое в этих краях полновесное солнце тут же обрызгало их тёплой золотой краской, словно Вериными веснушками. Туман отрешённости вокруг девушки рассеялся, и она вновь ожила, завертела головой по сторонам, точно любопытная птичка, и ничего о своём церковном преобразении не объяснила.

Он тогда впервые подумал, что совсем мало знает её. Какая-то часть Вериной души накрепко закрыта от него.

Первое время после поездки Денис присматривался к подруге, пытался завести разговор о религии, - она отшучивалась или мечтательно затихала, а потом вдруг разражалась смехом, так искренне расплёскивая синеву глаз, что юноша в конце концов отступился...

7

Денис разлепил глаза. Он по-прежнему лежал на тахте в пальто. Слегка тошнило.

Будильник показывал девять: ещё можно успеть в институт.

Юноша оплескал в лицо холодной водой. В комнате сгрёб со стола несколько тетрадей наугад и вышел.

После занятий он отправился в «Бригантину».

- Объявился, наконец, - сказал управляющий вместо приветствия. - Мы бы уже уволили тебя, да хорошего бармена на твоё место найти пока не можем. Ты вот что, поучи-ка Любу; она смышлёная. А через две недели ступай на все четыре стороны.

Денис кивнул и пошёл в бар...

Его уволили, и он наскоро устроился грузчиком в магазине.

На новой работе его терпели даже пьяным. Это облегчало жизнь. Да и приходиться не нужно было в крахмально-жёсткой рубашке, скрипуче вымытым, как огурец к обеду.

Платили мало, и коньяк сменился водкой, пивом в складчину с бригадой. Однажды утром Денис заносил на склад коробки и вдруг услышал своё имя. Он обернулся. На него насмешливо смотрела Алиса. Она была в красной куртке, высоких сапогах со стразами.

- Здорово, - равнодушно отозвался Денис.

- Вот, значит, куда ты пропал... А мы-то думаем, где наш прославленный бармен?

- Прославленный, - хмыкнул Денис. - Вот уж похвалила...

Повисла пауза: Денису говорить не хотелось, а Алиса с любопытным превосходством рассматривала его.

- Денюсик, живенько! - окрикнули из магазина.

- Тебя зовут. Ну пока, Денюсик.

Алиса нарочито выговорила его имя, усмехнулась и закачала бёдрами, спеша по своим делам.

После работы он напился. Не из-за Алисы, а просто...

Денис точно не знал, как оказался в прихожей своей квартиры. Держась за стенки, он с трудом разулся и стал неловко, припадая то к одной, то к другой стене, двигаться в комнату. Пробираясь мимо кухонной двери, он заглянул в неё: отец с матерью сидели за столом и молчали.

Сын скривил улыбку, помахал ладонью и вышевелил языком «привет». Вышло, наверное, жалко, потому что они не откликнулись.

Денис заковылял к себе, но ошибся и попал в родительскую спальню. Уютно тускло горел ночник, освещая иконы на маминой тумбочке. На юношу смотрели старцы с тёмными остробородыми лицами и страдальческими глазами.

И Денис заговорил с ними.

- Ну, что смотрите? Жалеете или презираете? Хм... Молчите, святые угодники?

Потом он вдруг спохватился, сдвинул брови и строго спросил:

- Признавайтесь, куда Веру дели? Я ви-и-дел, как вы на неё смотрели в Изборске. У вас с ней сговор?!

Денис смахнул их разом на пол вместе с ночником.

- Я найду её. Без вас. Ясно, угодники-сковородники?..

На шум прибежали родители, отвели его в комнату, с трудом сняли ботинки, верхнюю одежду и кое-как опрокинули на тахту.

Пьяный сын сопротивлялся и бессвязно бормотал:

- Ха! Они молчат! И вы молчите, - обратился он к родителям. – Все сегодня молчат... Одна Алиса... Здравствуй, говорит, вот ты где. Будто она меня искала... Не искала... А я – найду!

Выкрики постепенно перешли в бессвязное бормотание, и, наконец, Денис забылся.

Сквозь кашу сонных причуд с их фантастической логикой просвечивало Верино лицо. Оно туманилось, иногда вовсе пропадало. Но он всё равно чувствовал, что она здесь, рядом...

8

Назавтра он пошёл на работу не в свою смену - не хотел оставаться дома. Толкался без дела между грузчиками, а вечером набрался...

Утром Денис с мукой очнулся в коридоре: сидел на полу, поджав ноги и привалившись спиной к стене. Он закрылся дрожащими ладонями и жалобно, как в детстве, позвал:

- Мама, мне плохо...

Мать возникла рядом, кому-то невидимому (наверное, отцу) отрывисто бросила несколько слов, и с этой минуты Дениса уже не оставляли в покое: тормошили, раздевали, укладывали в постель. Неизвестно откуда взявшиеся белые халаты маячили в изголовье, перемещались по комнате, кто-то тискал, тёр юноше предплечье...

После капельницы и фенозепамы он забылся облегчающим сном.

Множество раз потом Денис будет пробуждаться в чужих квартирах, в окружении незнакомых мужчин и женщин.

Каждое следующее возвращение к себе удивляло его не только убожеством лиц и закутов, но и собственных мыслей.

Порой ему чудилось, что он болтается в толще чёрного вязкого океана, и никак не может выбраться на поверхность или хоть куда-нибудь... Наваливалось отчаяние, паника, хотелось сию же минуту вырваться из этого мазута навсегда и сделать это можно лишь одним способом. Думать о нём было страшно, и Денис напивался снова.

И снова вместе с ним кружились лица, углы... Знакомые девушки, Алиса, Марина, Вера, другие возникали не то сном, не то пьяным бредом. Иной раз ему удавалось поймать Верино лицо, словно воздушный шарик, обеими руками. Тогда он бережно целовал его, и так, не отпуская, куда-то проваливался. Очухиваясь, иногда находил рядом женщину, ни капельки не Веру. Он не помнил совместных часов, не узнавал женщины, пил из горлышка всё, что находил и снова забывался...

Потом мир, время, мысли понеслись дикой круговертью, смесью реальных событий, снов, фантазий больного мозга, словно ворох лоскутов цветной бумаги. В обрезах памяти попадали белые стены, решётки на окнах, апельсины на тумбочке. А бывала чёрная жижа, та самая, из которой существовал только один, безвозвратный выход. Денис не шагнул в неё только потому, что не знал, будет ли за этой чернотой свет, а попасть из одной темени в другую боялся.

Но однажды Денис решился, то есть, решение взялось помимо его воли. Ноги принесли его в ванную, руки достали аптечку – Денис не мог противиться! – и засыпали в рот горсть лечебной всячины.

Юноша глотал и запивал их из крана, снова глотал, будто бы и не он, а наблюдая за собой со стороны...

Через полчаса он вырос из собственного тела, расплеснулся, как стихия, и никакими усилиями воли не мог собраться в целое.

А потом опять зарябили кадры обыденности, фантазий, неизведанные закоулки пространства и мгла... Без себя...

9

Денис очнулся. Он пока не знал точно, как его часть уже появилась на этом свете, какая нет. Но главное, мир уже не рябил и не вращался пёстрым бестолковым коллажем, он стал одного цвета, белого.

Его спасли, откачали, поставили на ноги. Когда он вышел из больницы с ворохом рецептов и под руку с матерью, на улице слепило солнце, дозвякивали капли, дотаивали грязные снега, жухлые и жалкие, как сам Денис.

Он высвободился из-под маминого локтя, поднял голову. Солнечные лучи полоснули по глазам, и Денис на мгновение ослеп. Под веками накопились слёзы. Не открывая глаз, юноша глубоко вдохнул.

Свежий, с арбузным запахом ветер, казалось, пролетал Дениса насквозь. Сам себе юноша казался старым домом, внутри которого отремонтирована комната. Она пустая, светлая и гулкая, с единственным окном и распахнутой дверью. И ничего, кроме сквозняков... Ни прошлого, ни настоящего, ни

будущего... От опустошения юноша сделался молчалив, иногда мог несколько дней кряду не вымыкнуть ни словечка.

Первые после больницы дни он подолгу сидел возле окна, следя за весенними переменами, ускорявшимися с каждым днём. Когда потеплело, родители начали выводить его гулять во двор. Через время их с сыном молчаливое понимание стало привычным, и они решились отпустить его одного.

Денис бродил по городу, забираясь всё дальше от своего квартала. Постепенно прогулки растянулись на часы.

Его никто не окликал, словно все знакомые дружно уехали. Наверное, кто-то из них проходил всё же мимо, узнавал, но не приближался, не заговаривал. Вид у Дениса был такой отрешённый, что вряд ли кому пришло бы в голову нарушить его одинокое блуждание.

Но юношу это не трогало, да и мало что беспокоило вообще. Он жил так, словно его только что нарисовали в новом облике, на новом листе, в непривычной обстановке, и он осторожно знакомился с собой и округой.

О чём он думал, путешествуя по улицам? Какие воспоминания они ему навевали? Кто ведаёт... Может, Денис сам этого не знал...

На исходе апреля он услышал перелив колоколов и пошёл искать, где звонят.

Юноша долго стоял перед храмом, вслушиваясь в металлический гул. Он пришёл сюда и наследующий день, и потом ещё. Его никто не учил, но скоро он уже умел отличать восторженно-праздничные перезвоны от печально-будничного бома.

Однажды на глаза попался золотой купол собора, освещённый солнцем. Денис гадал, куда падает отражённый маковкой блик. Чтобы разрешить загадку, он пошел на церковный двор.

За оградой было светло, и гудели шмели. Из приоткрытых тяжёлых дверей церкви сочилась прохлада. За ними зиял полумрак, и чудилось какое-то вековое спокойствие. Денис вошёл.

Он старался ступать как можно мягче, внимательно разглядывал церковное убранство: росписи, вышивки, золочение.

Ему понравилась тишина, притенённая и гулкая: каждый шаг пел, окликая эхо.

Юноша потом понял, что в это время дня в церквях всегда мало людей, но и те, кто молился – пребывали наедине с Богом, и потому Денисову одиночеству никто не мешал.

Он сел на лавочку и оцепенел, очарованный тихой пустотой. Потом поднялась суета. Засновали люди и выбудили Дениса из затиши. Юноша вышел: на улице стоял смиренный и тёплый, как душа праведника, вечер.

Увидев сына невредимым, мама ничего смолчала, хотя здорово волновалась весь день.

В комнате на столе Денис увидел трёхстворчатый складень. Внимательно, бережно, точно древнюю историческую находку, юноша осмотрел святые лики. Потом подсел к окну и стал наблюдать сгущение сумерек...

Денис стал задерживаться у зеркала. Казалось, он так давно живёт, что уже не знает, сколько. Но, помня младенчество, юноша напрочь выронил из себя годы зрелости. То ли они не наступали, то ли закончились. А теперь он – старик, и «добрать очки» не получится...

В эту ночь ему снова снилась Вера. В тёмном платье и фате, колоколом спадавшей книзу и укрывавшей всю её фигуру. Лица не видно, но это, конечно, была она...

9

Денис полюбил церковное уединение, правда старался не заходить в один и тот же храм несколько раз подряд. Иногда юноша одолевал километры, чтобы отыскать новый.

В заводских окраинах ему просияла белизной незнакомая церковка с высокой папертью и синим, ребристым шатром колокольни.

Прихожане уже разошлись. Одна монахиня, монотонно бормоча, истово отвечивала поклоны и осенялась знаменами. Она делала это так знакомо, что Денис догадался, кто это.

Не надобилось заходить вперёд, чтобы заглянуть в лицо; юноша и так узнал её.

- Вера, - позвал он.

Молодая послушница оглянулась, поглядела на него спокойно, без смущения, так, как смотрят люди, накрепко защищённые от случайностей. Смотрела, словно издали и в то же время никогда не была ближе, реальнее, чем сейчас.

Встреча Дениса вроде бы не удивила, а может быть, у него просто не было сил удивляться. Только сейчас он не понимал, почему раньше высматривал её в ночных клубах, в пьяных компаниях, на дискотеке.

- Здравствуй, Денис, - прозвучало просто, без тени волнения.

- Куда ты пропала?

- Бог позвал.

- Значит, я опять тебя потеряю... Что мне делать?

- Иди по той же дороге.

- Смею ли... Со мной много чего произошло...

- Вижу. В тебе свет другой.

- Какой свет, милая?

- Божий. Он в каждом есть. И в тебе всегда был. Только сейчас он другой. Молиться надо.

- Как? Я не умею.

- А я научу. Повторяй за мной: «Благослови, душе моя, Господа!»

Церковная высота делала звуки непривычно глубокими. Они выпархивали из уст, как птицы поднимались в купол и жили там уже сами по себе, и нельзя было заставить их стихнуть.

«Благослови, душе моя, Господа»...